
ВАНИЛЬНЫЕ РЕКИ
Юрий Белк
берег всегда рядом
стоит только остановиться

Юрий Белк

Ванильные реки

«Автор»
2026

Белк Ю.

Ванильные реки / Ю. Белк — «Автор», 2026

Он гребёт против течения всю жизнь. Она плывёт по течению и дремлет. Река зовёт обоих, но слышат её только те, кто перестал грести.В тумане появляется берег и таинственная сторожка, куда причаливают лишь уставшие.Издалека берег — рай. Вблизи он весь усеян колышками.Старожилы говорят: «Счастья здесь нет. Счастье — гость. Оно догоняет только того, кто остановился».Это притча о тех, кто проплывает мимо своего берега, и об умении остановиться: на вдох, на закат, на минуту.

© Белк Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Туман 5
Глава 1. Тот, кто гребёт 6
Глава 2. Та, что плывёт по течению 9
Глава 3. Берег издалека 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Юрий Белк
Ванильные реки

Пролог. Туман

Река появляется в жизни каждого героя одинаково — из тумана. Матвею она явилась ноябрьской ночью: лодка встала в белой пустоте, весло перестало доставать до воды, а часы на запястье остановились.

Все часы в этой книге останавливаются, когда туман поднимается над водой. Так река зовёт. Не всех — только тех, кто устал грести настолько, что готов услышать.

Глава 1. Тот, кто гребёт

Матвей не помнил, когда впервые сел в лодку. Кажется, всегда: детство прошло в гонках с ровесниками, юность — в гонках с самим собой, зрелость — в гонках с рекой. К тридцати четырём годам у него уже не осталось никого, с кем можно было бы состязаться, — только вода и весло.

Он греб против течения, потому что так было заведено. Вниз по реке плывут слабые, думали в его семье, а настоящие мужчины поднимаются вверх. И Матвей поднимался. Каждый рубеж — отметка на берегу, первый порог, широкая излучина, место, где река расступалась, — превращался в исходную точку раньше, чем он успевал перевести дух. Он закрывал сделку — и наутро обнаруживал, что стартовая линия сдвинулась, что теперь надо больше. Он покупал квартиру — и через полгода она начинала казаться клеткой, тесной для человека его масштаба. Он получал повышение — и новый кабинет пах лишь одним: следующим кабинетом, который ждал где-то выше по течению и до которого он ещё не доплыл.

Даже женщина — та, о которой он думал чаще, чем признавался себе, — была устроена по законам реки. Её нельзя было заполучить, не заработав. А заработав — нельзя было удержать, не заработав ещё. Любовь в его представлении стояла где-то там, выше по течению, за очередным порогом, и до неё сначала надо было доплыть. Он откладывал её, как откладывают отпуск: доплыву — и тогда.

Никто не говорил ему, что гребёт он уже не к чему-то, а просто от. От тишины, которая наступала всякий раз, когда он останавливался. От вопроса, который поднимался из воды, едва весло замирало: зачем? Вопрос был коварен тем, что в движении на него не находилось ответа. На ходу его заглушали плеск весла, звонок телефона, ветер в ушах. Стоило замереть — и он вставал в полный рост, как из тумана встаёт человек, которого не ждали.

Матвей боялся этого вопроса. Поэтому греб.

В ту ночь — ноябрьскую, вторую после сделки, которую он семь месяцев двигал и наконец закрыл, — он плыл один. Река была чёрная и очень гладкая, как смола. Обычно в такие ночи он не выпускал весло из рук: движение держало его на плаву крепче бортов. Но усталость копится в человеке, как вода на дне лодки, — незаметно, по чайной ложке, а потом шевельнёшься и понимаешь, что уже по колено.

Он поднял голову.

Просто так. Посмотреть, сколько осталось. Впереди, в темноте, не было ничего — ни цели, ни огней, ни берега, только изгиб реки, о котором он знал по карте и который означал ещё несколько часов гребли. От этой пустоты в груди что-то дрогнуло — не страх, а нечто более старое и более знакомое, как запах дома детства, который не можешь вспомнить, пока не почувствуешь снова.

Весло стало легче.

Сначала ему показалось, что неладно с веслом, с лодкой, с руками. Но руки слушались, лодка сидела ровно, и только весло шло легко, как будто река сама подкладывала ладонь под его лопасть. Потом стих шум течения — тот, который он слышал годами, как собственное дыхание, потому что другого шума у него давно не было. Стих весь, разом, будто кто-то закрыл окно.

Матвей перестал грести.

Лодка стояла. Не качалась, не дрейфовала — стояла на чёрной воде, как капля на блюдце. Вокруг, там, где сходились вода и небо, поднимался туман — медленно, как поднимается пар над молоком, — и был он не серым, не белым, а каким-то домашним, тёплым на вид. Часы на его запястье — дорогие, стальные, купленные в честь закрытия сделки — остановились. Секундная стрелка дёрнулась и замерла между делениями, как человек, решивший на бегу передохнуть.

Матвей смотрел на часы, потом на туман. Страннее всего было то, что он не испугался. Он ждал испуга — привычного холодка под рёбрами, который появлялся в самолётах, на переговорах, в темноте и который он умел глушить работой. Холодка не было. Была тишина, и в этой тишине его голос, когда он заговорил — вслух, один, посреди реки, — показался ему чужим и очень молодым:

— Куда дальше?

Никто не ответил. Но туман стал редеть — не рассеиваться, а именно редеть, будто кто-то приоткрыл дверь, — и за ним показался берег.

Берега он видел всю жизнь — с воды, сотни раз: откосы, камни, промоины. Этот был другим. Он был освещён не солнцем и не луной, а словно изнутри — тем светом, каким подсвечивают картины в тёмном зале музея, когда подходишь к ним вплотную. На берегу росли деревья, и Матвей не мог сказать, какие: он не смотрел на деревья уже лет пятнадцать. И было там место — открытое, ровное, залитое этим светом, — и Матвей понял без слов, что это лучшее место на всём берегу. То самое. К нему он греб все эти годы, сам того не зная. Оно ждало его за каждой сделкой, каждым порогом, каждым повышением — всё это было лишь дорогой к нему, а место — вот оно.

На месте стоял кто-то.

Силуэт — не разобрать ни лица, ни даже одежды, просто человек против света. Он не двигался и не звал. Но он стоял там, на том самом лучшем месте, и не было в этом ничего злого или нечестного — и именно это было страшнее всего. Он просто успел — так решил Матвей. Как всегда кто-то успевает раньше: занять очередь, получить вакансию, попасть в список, поймать минуту, которая больше не вернётся.

Матвей сжал весло. Там, вниз по реке, в темноте, у самой воды, уже слышался плеск: шли другие лодки. Это были те, кто греб так же, как он, кто закрывал свои сделки и не спал ночей, и все они спешили к этому берегу, и этот свет светил и им тоже.

— Матвей, ты видишь? — сказал голос. Он был его собственным, из детства, из тех лет, когда он ещё умел сидеть на берегу и смотреть на воду, не думая о воде. — Сколько тебе было лет, когда ты в последний раз смотрел на закат не потому, что ехал мимо, а потому, что хотел смотреть?

Матвей не помнил. И в этом «не помнил» была вся его жизнь, уложенная, как в чемодан: переговоры, номера, цифры, собеседования, недоспанные ночи, обещания самому себе — со следующего года, вот доплыву, вот закрою, вот разберусь.

Он был в тридцати гребках от берега. В двадцати. Может, в десяти. На воде расстояния всегда короткие — и всегда самые длинные.

И он ударил веслом.

Резко, зло, привычно — так, как бил годами. Лодка дёрнулась вперёд. Туман, будто вздохнув, начал смыкаться. Берег с его светом и человеком на лучшем месте пошёл назад, уплывая в белое, а Матвей греб всё быстрее, уже не разбирая воды, не глядя — грести, гнать, успеть раньше, успеть до тех, кто за спиной, успеть к этому свету первым, потому что если не он, то кто?

Туман опустился. Река загудела снова — вода вернулась под весло, и Матвей не мог вспомнить, сколько времени прошло, когда наконец выпрямил спину. Часы на запястье шли. Лодка шла. Была обычная ноябрьская ночь, чёрная вода — и усталость в плечах: старая, тёплая, почти родная, такая давняя, что уже неотличимая от него самого.

Только весло теперь было тяжёлым. Тяжелее, чем когда-либо.

А туман не исчезал до конца. Он стоял за кормой — Матвей не видел его, но знал, что он там, как знают, что за спиной открыта дверь, — и ждал. Он умел ждать, туман. Он не торопил и не настаивал. Он просто вставал между человеком и рекой в ту минуту, когда человек уставал грести настолько, что готов был поднять голову.

И где-то на берегу, в свете, которого Матвей больше не видел, человек на лучшем месте не пошевелился. Ему некуда было спешить: он оказался на берегу не потому, что доплыл.

А Матвей греб быстрее.

Глава 2. Та, что плывёт по течению

Аня никогда не выбирала реку. Её просто посадили в лодку — лет в семь, когда все вокруг сели, — и с тех пор лодка шла сама. Течение в тех краях было сильное и ровное, и оно знало, куда нести. В пять лет нести надо было в бассейн и в английский, в десять — в хорошую школу, в пятнадцать — к нужному репетитору, в восемнадцать — на правильный факультет. Потом по течению пошли работы, которые у всех, свадьба, положенная в тридцать, ремонт, который сделали у всех и как у всех, ипотека, отпуск дважды в год и понедельники, одинаковые, как вагоны, — тридцать девять лет одинаковых понедельников, если считать по расписанию течения.

Удобнее течения не было ничего. Оно решало за неё. Утром — график, вечером — сериал, в отпуске — море, где лежат все, кто плывёт по течению, и лежат так же, как все. Аня давно поняла: течение — это и есть дорога. Все идут по ней — значит, она правильная. Возразить течению было бы всё равно что возразить расписанию поездов: бессмысленно и немного неприлично.

Мама говорила: «Держись за всеми, дочка. Кто выплывает из общего потока — тот тонет». И Аня держалась. Она умела держаться прекрасно — как умеют только те, кому не за что было уцепиться внутри себя. В компании она соглашалась, в офисе — кивала, в семье — не спорила, потому что спорить означало грести против, а грести против не умели в её семье три поколения.

Только иногда — редкие такие минуты, между понедельниками, — в ней шевелилось что-то очень тихое и очень непривычное. Она не умела назвать это. Не тоска — тоскуют о чём-то конкретном. Не усталость — усталость снималась отпуском. Это было похоже на то, как будто где-то в ней осталась закрытой комната, ключ от которой она отдала давно, в детстве, и кому отдала — уже не помнила. Она заглядывала туда, когда засыпала, — на полсекунды, — и успевала подумать: «А я вообще кого-нибудь спрашивала?»

Утром течение снова несло её, и вопрос тонул.

Это случилось в октябре, в четверг, в час, когда рабочий день уже кончился, а вечер ещё не начался. Аня вышла из офиса, постояла на крыльце, глядя, как остальные расходятся по своим течениям, — и вместо того, чтобы идти к остановке, свернула к набережной. Она сама не знала, зачем. Так бывает: течению можно подчиниться годами, а потом однажды тело сворачивает с пути само, как будто в нём что-то вспомнило дорогу.

Набережная была пуста и вымыта недавним дождём. Река лежала тёмная, гладкая, с фонарями, размазанными по воде в длинные дрожащие полосы. Аня подошла к перилам, посмотрела вниз — просто так, как смотрят в воду, когда никуда не спешат.

В воде было её отражение.

Только не она.

Она поняла это не сразу — сначала заметила странности: отражение стояло чуть иначе. Спокойнее. Она всегда стояла, чуть подавшись вперёд, будто готовилась извиниться за то, что занимает место. Отражение стояло ровно. Плечи — свободные. Руки — опущенные, не сжатые в карманах, как она сжимала их, когда нервничала. И лицо... Лицо было её лицо, но каким-то повидавшим и в то же время ясным, как после сна, — а её собственное лицо она знала уставшим, натянутым на дежурную улыбку, которую включала при людях и снимала, оставшись одна.

Она подняла руку. Отражение не подняло.

Оно просто стояло и смотрело на неё — без упрёка, без тени, без всего того, что она ждала и чего боялась всю жизнь. Смотрело так, как смотрят на человека, которого давно ждут

на чай и который давно не приходил. В этом взгляде не было ни вопроса, ни обиды. Только одно спокойное, терпеливое знание: я здесь. Я никуда не ушла. Но и ты пока не пришла.

У Ани захолодели руки. Не от страха — от того чувства, которое испытываешь, когда тебя окликают по имени из чужого окна: сначала не веришь, потом проверяешь, своё ли окно.

Она оглянулась. Набережная была пуста. Тогда она снова наклонилась к воде — медленно, почти готовая к тому, что там уже всё. Отражение всё ещё было её отражение: рука поднята, плечи поданы вперёд. Как у неё.

— Устала, — сказала она вслух. — Просто устала. Мне тридцать два, я просто устала.

Слово «просто» она произносила так часто в последние годы, что оно приросло ко всем её мыслям, как наклейка: просто время такое, просто работа, просто возраст, просто у всех так.

Вода дрогнула — от ветра, от лодок на том берегу, от чего-то ещё, — и фонари на поверхности рассыпались и собрались снова. Отражение исчезло. Обычное отражение, как у всех.

Аня выпрямилась, поправила шарф и пошла к остановке, размахивая проездным в руке и повторяя про себя, как заклинание: усталость, усталость, усталость.

Отражение не исчезало.

Она увидела его через неделю — в витрине ювелирного, мимо которого проходила каждый день. Человек в витрине стоял вполоборота к улице и, кажется, смотрел на неё. Она ускорила шаг. Витрины отражают, в витринах всё можно списать на вечернее освещение.

Потом — в тёмном окне автобуса, когда за стеклом уже не было ни города, ни людей, а была только её собственная голова, плывущая мимо засыпанных улиц. Там, в стекле, среди призрачных пассажиров, сидела она — но не с телефонным экраном, от которого не отрывала глаз четыре года, а просто сидела и смотрела в окно. Смотрела на улицы. С интересом. Как смотрят на то, что давно хотят увидеть.

Потом — в чашке. Аня заметила это за завтраком и рассмеялась — вслух, одна на кухне, впервые за сколько-то времени смеясь в одиночестве не от чего-то в телефоне, а просто так. Смешно же: лицо в чае. Она наклонила голову, и лицо в чае наклонилось следом — но чуть медленнее, чуть отставая, как отстают те, кому не спешить. Она выпила чай залпом, как выпивают что-то, от чего надо поскорее избавиться, и поставила чашку в мойку не глядя.

Она знала, как это называется. Так это называется у всех, по течению: усталость. Накапало выгорание, полежишь — пройдёт. Верить всерьёз — в отражения — она отказывалась так же, как отказывалась верить в сны, в которых она не работала, не лежала на море и не сидела в общей лодке, а просто шла по какой-то своей улице и знала, куда идёт. Такие сны она видела всё чаще. Просыпалась от них с чувством, которое не могла назвать: не грусть, не тоска — что-то среднее между потерей и обещанием.

Страннее всего было то, что отражение никогда не делало ничего дурного. Оно не манило, не звало, не пугало. Оно просто ждало. И от этого ожидания — спокойного, терпеливого, без единого упрёка — Ане становилось тяжелее, чем от любого крика. На крик можно обидеться, на крик можно не пойти. На тишину нельзя.

Однажды вечером она поймала себя на том, что светит в тёмную прихожую, когда возвращается домой, — светит и смотрит в зеркало, быстро, краем глаза, как заглядывают в комнату, в которой мог бы кто-то быть. Там было только её уставшее лицо. И всё-таки она чуть-чуть держалась за ручку двери, пока смотрела, — будто чего-то ждала с той стороны.

Аня думала — она старалась так думать, потому что так было безопасно, — что всё это пройдёт. Лежание на море, простой, витамины, новый сериал — и туман в голове рассеется, и лицо в чашке вернётся обычным, натянутым на дежурную улыбку.

Она не знала одного: река в тех краях делала поворот. Тот самый, о котором знают только те, кто поднимал голову над веслом, — и те, кто никогда не поднимал, — поворот, за которым течение менялось, не предупреждая пассажиров, и несло лодки уже к другому берегу. К тому, о котором говорили с уважением и очень мало.

К сторожке.

Но туман ещё не поднимался над водой, и Аня, качая головой над чашкой, называла это усталостью.

И плыла дальше.

Глава 3. Берег издалека

С воды берег виден не всегда. Чаще всего — в те часы, когда усталость в человеке доходит до последней черты и весло начинает падать из рук само. Тогда река на мгновение расступается в тумане — и человек видит.

Видит то, о чём потом не рассказывают, потому что не находят слов. Светлый берег, тёплое солнце, которого не бывает ни в одно время года, деревья, стоящие так, как деревья стоят только в детских снах, — корнями вверх, кроной вниз, — и от этого щемит, а почему, не вспомнить. И место. Много места — ровного, залитого светом, пустого, как чистый лист. Кажется, что с воды места там хватит всем.

Лодки идут к этому берегу всю жизнь. Вся река, если смотреть на неё сверху — а сверху в этой истории смотрели только двое, сторож и счастье, — была одной большой дорогой мимо этого берега. Все плыли мимо. Одни — против течения, как Матвей, загнанные, одержимые, с глазами, прищуренными от встречного ветра. Другие — по течению, как Аня, полусонные, удобные, доверившие лодке всё, кроме души. Но и те, и другие, поднимая голову, смотрели в одну сторону — туда, где светился берег.

А что происходило на берегу, не знал с воды никто: знающие молчали, а говорящие не знали.

Вот как это выглядело на самом деле.

Человек, который наконец решался — после лет гребли или лет дремоты, — причаливал. Толкал лодку носом в песок, выходил, оглядывался и первым делом делал то, что делали на берегу все: выбирал место. Это было естественно, как дышать. Он шёл по светлому песку и присматривался: вот поляна у воды — солнце с утра, но ветрено. Вот место под старым деревом — тень, уютно, но далеко от реки. Вот открытый холм — оттуда видно всю реку до горизонта, видно, как идут лодки, и это соблазнительно: кто сидит на холме, тот видит всё.

Место выбирали дольше, чем плыли к берегу. И уже выбирая, человек замечал, что он здесь не один.

Людей на берегу было много. Больше, чем казалось с воды. Они сидели на своих местах, каждый на своём, и, казалось бы, чего ещё — свет, солнце, река рядом. Но каждый оглядывался. Посматривал налево, направо, вдоль берега, туда, где за дальними изгибами берег продолжался, — и не знал, что там. А вдруг лучше? Вдруг за тем мысом места шире и свет мягче? Вдруг тот, кто сидит ближе к воде, занял лучшее, а его место, его настоящее, ещё дальше?

Довольных здесь не было. Были приезжие, и у всех у них было одно общее имя: «ещё не нашёл». Находили редко. Нашедший на берегу — такая же редкость, как безветренный день на большой воде.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.